
ОКНО
В
ИСТОРИЮ

Екатерина КОУТИ

Недобрая старая Англия

Санкт-Петербург

«БХВ-Петербург»

2013

УДК 94
ББК 6.3.3(4...)
К73

Коути Е.

К73 Недобрая старая Англия. — СПб.:
БХВ-Петербург, 2013. — 320 с. — (Окно в историю)
ISBN 978-5-9775-0819-3

Книга приоткрывает завесу над темными страницами английской истории XIX века, той самой эпохи, которая известна российским читателям по романам Джейн Остен, Чарльза Диккенса и сестер Бронте и которая не утратила своей мрачной привлекательности. В ней рассматриваются разнообразные аспекты жизни англичан — преступный мир и система наказаний, бытовые условия в английских трущобах, уличная еда в Лондоне, профессии, обращение с детьми, работные дома, проституция и многие другие темы.

Для широкого круга читателей

УДК 94
ББК 6.3.3(4...)

Группа подготовки издания:

Главный редактор	<i>Екатерина Кондукова</i>
Зам. главного редактора	<i>Екатерина Трубей</i>
Зав. редакцией	<i>Екатерина Капалыгина</i>
Редактор	<i>Татьяна Шапошникова</i>
Компьютерная верстка	<i>Ольги Сергиенко</i>
Корректор	<i>Зинаида Дмитриева</i>
Дизайн серии	<i>Марины Акининой</i>
Оформление обложки	<i>Марины Дамбиевой</i>

Подписано в печать 30.09.12.
Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20.
Тираж 2500 экз. Заказ №
"БХВ-Петербург", 191036, Санкт-Петербург, Гончарная ул., 20.
Первая Академическая типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

ISBN 978-5-9775-0819-3

© Коути Е., 2013
© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2013

Оглавление

Предисловие	11
Глава I. Повседневная жизнь английских бедняков	14
В городских трущобах	14
«Оставь надежду всяк сюда входящий»: работные дома	26
«Гороховый суп», или Лондонский туман	33
Великая вонь	36
Холера — чума XIX века	43
С картошки на чай: меню простых англичан	47
Уличная еда Лондона	52
Глава II. Профессии былых времен	70
Мир под лестницей: английские слуги	70
Общественный транспорт и профессия кучера	85
Санитары улиц	91
Последние новости: газетчики и торговцы бумажным товаром	99
Профессиональные нищие	104
Уличные актеры	112
Детские профессии	118
От некроза до профсоюза: девушки со спичками	123
Глава III. Дела семейные	131
Суровое английское воспитание	131
Тяжелые цепи Гименя	143
Расторжение брака	153
Встретимся в суде! История миссис Уэддон	159

Глава IV. Преступления и наказания	169
Полицейские и воры.....	169
Похитители тел Берк и Хэр.....	182
Ужасы осени: дело Джека Потрошителя.....	192
Чисто ирландское убийство: сожжение Бриджит Клири.....	206
Колодки, плети и намордники.....	219
В местах не столь отдаленных: английские тюрьмы.....	226
От костра до петли.....	234
Глава V. «Закрывать глаза и думать об Англии»:	
сексуальность в викторианскую эпоху	249
«Участь хуже смерти» — судьба английских проституток....	249
«Белое рабство».....	254
Законы о заразных болезнях.....	256
Новый Вавилон: детская проституция в Лондоне.....	261
Английский порок — садомазохизм в XIX веке.....	270
Ханна Калвик — Золушка, которая не хотела стать принцессой.....	278
«Любовь, что таит свое имя»: гомосексуализм в Англии XIX века.....	285
Дело веселых трансвеститов.....	293
Скандал на Кливленд-стриг.....	296
Страсти по Оскару Уайльду.....	302
Избранная библиография	313
Источники на английском языке.....	313
Источники на русском языке.....	318
Источники иллюстраций.....	319

*Автор выражает благодарность
Людмиле Треножниковой и лондонскому гиду
Сергею Сенину (www.waugate.eu)
за поддержку и добрые советы,
профессорам Университета Техаса в Остине
и библиотеке Perry Castaneda Library
за предоставленные иллюстрации*

*Посвящается
Елене Прокофьевой
и Татьяне Умновой*

Предисловие

«...то было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен»... Хотя эти слова Чарльза Диккенса описывают совсем другую эру, они как нельзя более применимы к викторианской эпохе в истории Англии.

Знала ли юная королева Виктория, всходя на престол в 1837 году, что к ее Бриллиантовому юбилею в 1897 году империя изменится до неузнаваемости? В отличие от своих предшественников, повидавших и наполеоновские войны, и восстания якобитов (Якобиты — сторонники восстановления на английском престоле Якова П. Стюарта и его наследников. — *Рег.*), Виктория будет править в относительно спокойный период. При ней Британская империя наконец-то достигнет стабильности. Страну уже не будут сотрясать гражданские войны, ей не будет угрожать вторжение извне, английские войска справятся с мятежами в колониях, как, например, с восстанием сипаев (Сипаи — индийские наемники, в 1857—1859 годах боролись с оружием в руках против англичан-колонизаторов. — *Рег.*). Стремительными темпами будет продолжаться урбанизация: если в 1841 году население Лондона составляло два с лишним миллионов человек, ко времени смерти Виктории в 1901-м оно повысится до 6,5 миллионов.

Великобританию опутает разветвленная сеть железных дорог: столичные жители, пусть и не богатые, смогут вы-

езжать в пригород на выходные, тогда как в Лондон потянутся толпы провинциалов — за покупками или с перспективой остаться насовсем. Свечи в домах сменит газовое освещение, а затем и электричество, из-за чего ужин будет начинаться гораздо позже. Бытовые условия улучшатся: дома будут оснащены водопроводом и туалетами, система канализации изгонит из городов многовековую вонь, а уже в XX веке лошади, оставлявшие на улицах груды навоза, уступят дорогу автомобилям. На смену открытому очагу придут удобные кухонные плиты, продукты начнут продавать в консервированном виде, а домохозяйки обеспокоятся вредными пищевыми добавками. На конвертах появятся марки, хотя письма вскоре и потеснит телеграф.

К концу правления Виктории доктора обуздают оспу, сыпной тиф и холеру, и средняя продолжительность жизни в Англии и Уэльсе постепенно увеличится — с 40,2 лет в 1841 году до 51,5 годов в 1911-м. Ночные улицы будут патрулировать не престарелые ночные сторожа, а профессиональные полицейские. Некоторые изменения заставят консервативную королеву поморщиться: рабочие начнут объединяться в профсоюзы, а женщины, устав от роли «ангела в доме», потребуют доступ к высшему образованию и право голоса.

В то же время у преуспевающей рафинированной Англии, у империи завоеваний и свершений, была и обратная сторона. В любой отрезок времени на Британских островах уживались два разных мира. Порою граница между ними была так же отчетлива, как между уважаемым Вест-Эндом и неумытым Ист-Эндом в Лондоне, или же между цветущим Югом и прокопченным индустриальным Севером. Еще чаще непохожие миры сосуществовали бок о бок, переплетаясь друг с другом, видоизменяя друг друга: слуги и хозяева, проститутки и джентльмены-клиенты, уличные карманники и их состоятельные жертвы, жители трущоб и филантропы, предлагавшие им душеспасительные брошюры. Другая Англия, населенная

в лучшем случае неграмотными торговками, и в худшем — ворами и гулящими девицами, одновременно успокаивала и настораживала. Она подчеркивала респектабельность среднего класса, но вместе с тем могла разрушить и его домашний уют. В наши дни, как и полтора века назад, «недобрая старая Англия» по-прежнему не утратила своей мрачной привлекательности.

Ни в коей мере не отрицая существования добропорядочной Великобритании, эта книга познакомит вас с ее теневой стороной. Вам предстоит побывать в трущобах и тюремных камерах, поприсутствовать на судах и казнях, заедавая впечатления уличной снедью, выслушать не только жалобы служанок, но и стенания их не менее бесправных хозяек. Хотя в книге рассматривается в основном викторианская эпоха (1837—1901), при необходимости мы будем наведываться и в другие периоды.

Итак, добро пожаловать в недобрую старую Англию!

Глава I

Повседневная жизнь английских бедняков

В ГОРОДСКИХ ТРУЩОБАХ

Знакомство с оборотной стороной Англии мы начнем с глубокого погружения. Добро пожаловать в трущобы лондонского Ист-Энда, восточной части города, населенной беднотой. Время действия — вторая половина XIX века, где-нибудь между 1840 и 1890 годами. Жизнь застаивается на узких и грязных улочках, течет так медленно, что трудно даже определить, какое на дворе десятилетие. На местных жителях лохмотья, по которым трудно судить о моде, а от холода и голода бедняки дрожали точно так же и десять, и двадцать лет назад. На дворе зима, так что осторожнее ступайте по слякоти, темно-серой от золы. И лучше не подходите к окнам — вдруг вам на голову выплеснут содержимое горшка, не донеся его до выгребной ямы. Впрочем, лишний раз окна стараются не открывать, чтобы не выпускать из комнаты тепло — отопление уж очень дорого.

Мы сворачиваем в крошечный дворик и наугад заходим в двухэтажный дом. Медленно поднимаемся по темной, зловонной лестнице. Перила расшатаны, прогнившие ступени опасно скрипят под ногами — один неверный шаг и можно провалиться. Приоткрываем дверь в квартиру на втором этаже (дверь не заперта, потому что воровать

тут все равно нечего). На вас щерит пасть остывший камин, который не разжигали уже несколько дней. По влажным стенам растет плесень, штукатурка на потолке почернела и вздулась. В центре комнаты стоит шаткий стол, по стенам жмутся целых две кровати. Что ж, неплохо для семьи из восьми человек. Бывает, знаете ли, и хуже. Санитарные инспектора расскажут вам про комнатенки, где на одной кровати спит вповалку вся семья, и родители, и дети. А где такая теснота, там недалеко и до греха: уж слишком рано дети узнают, откуда они берутся... В теплый день малыши весь день бегали бы на улице, но сейчас они забились в угол и зыркают на вас блестящими глазенками.

Мать сидит в углу и баюкает младенца, завернутого в ее шаль — на пеленки денег нет. Женщина боязливо оборачивается, и вы замечаете синяк в пол-лица. Но стоит вам раскрыть рот, чтобы ей посочувствовать, она машет на вас рукой и кивает на кровать. Прикрывшись рваным одеялом, на кровати храпит ее муж. Летом в их квартале наступает относительное благополучие: целые семьи выезжают в Кент на уборку хмеля, мужчины подрабатывают на стройках, но зимой работу найти труднее.

Вчера в квартале была такая сильная метель, что пьяный сосед, возвращаясь из кабака, упал и замерз насмерть, а за ночь вокруг него намело сугроб. В надежде заработать отец семейства отправился в ближайший работный дом, авось ему заплатят несколько шиллингов за уборку снега с улиц. Или хотя бы несколько булок. У ворот столпилось полквартала, такие же бедолаги с впалыми небритыми щеками. Но попечители отказали им всем. Что еще за мода — раздавать помощь направо-налево? Если хочешь работу, ищи ее сам или сдавайся в работный дом. С горя отец пошел в кабак и потратил на джин последние гроши, а дома жена посмела заикнуться о деньгах...

Мы пятимся и выходим из комнатухи, где и без нас тесно. Быть может, попытать счастья по соседству? Но и в доме напротив царит уныние. За столом у окошка сгорбилась вдова и лихорадочно шьет рубашки. В прошлом году

«Вдова и сироты». Гравюра Т. Б. Кеннингтона
из журнала «Иллюстрированные лондонские новости». 1888

она похоронила мужа и теперь вынуждена в одиночку содержать семью. Чтобы хоть как-то прокормиться, ей нужно сшить две дюжины рубашек в день. Работать приходится всем. Младшая дочь, тощая девочка лет десяти, торгует кресс-салатом, разнося его по домам. Старшая девочка, уже подросток, сортирует на фабрике грязные тряпки, которые затем идут на производство бумаги. Тряпки воняют, по ним ползают вши и прыгают блохи. Наверное, именно так в дом проник сыпной тиф, от которого скончался маленький сынишка. Его тело уже второй день лежит на сдвинутых ящиках из-под апельсинов. Похоронить его не на что, сначала нужно дождаться выручку за рубашки. Заметив приоткрытую дверь, вдова прищуривается, а потом обрушивается на вас поток ругани. Не обижайтесь. Она приняла вас за проповедника, который принес ей религиозный трактат в качестве утешения. Пожалуй, нам лучше уйти.

Куда теперь? Как насчет этого коттеджа? Тут гораздо просторнее, но что за вонь, что за лай? Повсюду носятся собаки и справляют нужду прямо на полу. Здесь разводят терьеров на продажу, ведь травля крыс собаками — одно из любимейших развлечений Ист-Энда. Так, а это что? В клетке поскуливает парочка печальных болонок. Судя по всему, породистые собачки были похищены где-нибудь в престижном Вест-Энде, когда поутру их выгуливала горничная. Вскоре у хозяев потребуют выкуп, как минимум 10 фунтов, а то и все 25. Впрочем, если вора поймают, ему придется ответить по всей строгости закона. Пойдемте-ка отсюда, вряд ли нам будут рады.

Поздравляю вас — пока вы крутили головой по сторонам, пытаюсь разобраться в хитросплетении улиц, у вас украли кошелек. Когда? Да вот только что мимо пробежала стайка оборвышей. Не пытайтесь гнаться за ними, только людей насмешите. А если поймаете воришку и попытаетесь встряхнуть его за воротник (осторожно, прогнившая ткань расползается прямо в руках), за мальчишку вступятся местные — он свой, а вы чужак. Так что потерю кошелька остается лишь оплакать.

К счастью, в следующей квартире вам повезет больше. Возможно, вам даже предложат чай, хотя его вкус оставляет желать лучшего: спитая заварка была высушена, подкрашена и продана как свежая. Из мебели здесь не только стол со стульями, но даже два кресла, а в спальне виднеется кровать с железными столбиками, а не просто койка с соломенным тюфяком. На каминной полке тикают часы, стены украшены портретами королевы и вырезками из журналов, на подоконнике заливается канарейка в клетке. Певчих птишек в Ист-Энде любят, они хоть как-то скрашивают серые будни. Хозяева квартиры занимаются перепродажей поношенной одежды, которая свалена в спальне. Лучше не спрашивать, откуда берутся обноски. Особенно подозрительно выглядит детская одежда поновее. Некоторые воры заманивают детишек в подворотни и, угрожая ножом, заставляют снять добротные костюмчи-

ки... Но мы не будем допытываться. Распрощавшись с хозяевами, мы продолжим наше путешествие по недоброй старой Англии.

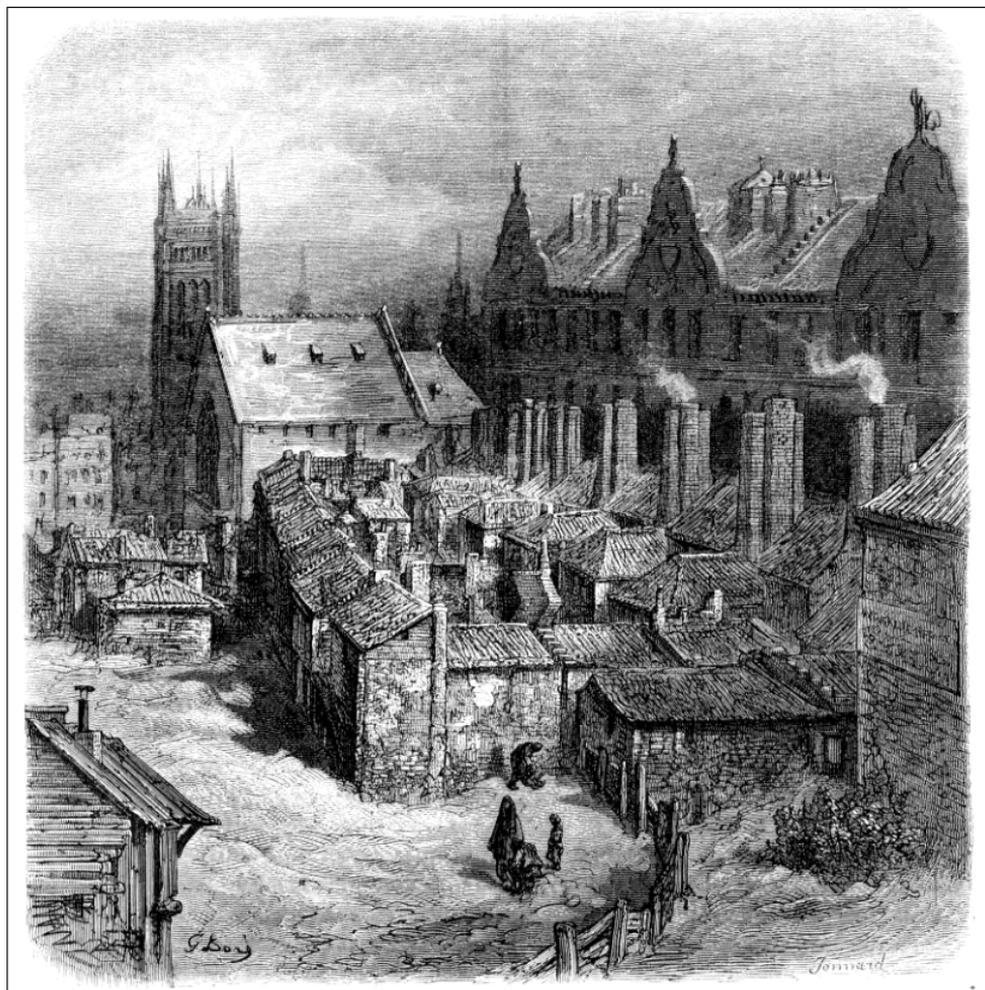
Трудно поверить, что когда-то в закопченном Ист-Энде благоухали апельсиновые деревья. Но это так. До Великого пожара 1666 года на востоке Лондона проживали аристократы и зажиточные горожане, но после разрушительного пожара в западной части города начался строительный бум. На месте выгоревших дотла кварталов появлялись новые, еще более роскошные, с уютными площадями в окружении белокаменных домов. Респектабельная публика потянулась на запад, в Вест-Энд, а в покинутые особняки набились обездоленные. Со временем «трущобные лорды» начали строить на востоке дешевые доходные дома. Ист-Энд рос, всасывая в себя районы Хакни, Степни, Поплар, Бенгал-Грин, Шордитч, Бермондси, Уайтчапел.

В «Очерках Боза» (1836) Чарльз Диккенс так описывал трущобы и их обитателей:

«Тем, кто не знаком с этой частью Лондона (а таких немало), трудно вообразить себе всю грязь и нищету, которые царят в ней. Убогие домики, где выбитые окна заделаны тряпьем и бумагой и где в каждой комнате ютятся по целому семейству, а подчас и по два и по три даже: в подвале — мастера, изготавливающие сласти и засахаренные фрукты, в передних комнатах — цирюльники и торговцы копченой селедкой, в задних — сапожники; торговец певчими птицами на втором этаже, три семейства на третьем и лютый голод на чердаке; в коридоре ирландцы, в столовой — музыкант, на кухне — погенщица и пятеро ее голодных детей. Грязь всюду: перед самым домом — сточная канава, позади выгребная яма, в окнах сушится белье, из окон льются помои; девочки четырнадцати-пятнадцати лет бродят босиком и нечесанные в каких-то белых салопах, нагетых чуть ли не на голое тело; тут же мальчики всевозможных возрастов в куртках всевозможных размеров или вовсе без оных; мужчины и женщины, одетые кто во что горазд, но все без исключения

грязно и убого; все это слоняется, бранится, пьет, курит, ссорится, дерется и сквернословит» [1].

Трущобы не были прерогативой столицы, в других крупных городах дела обстояли ничуть не лучше. В Ливерпуле и Манчестере доходные дома строили спина к спине, без заднего двора. При желании, можно было с легкостью заглянуть соседям в окна, но вряд ли у рабочих оставалось время на такие легкомысленные забавы. На

Трущоба «Акр Дьявола» возле Вестминстерского аббатства.
Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

входе во внутренний дворик гостей встречали груды золы и навоза, чтобы сразу можно было понять, куда ты попал. Жильцам приходилось подниматься по узким темным лестницам, но это еще в лучшем случае. В худшем — они спускались в подвал.

В конце 1840-х, когда в Англию хлынул поток голодающих ирландцев, в одном только Ливерпуле в подвалах ютилось 20% горожан, а в Манчестере — 12%. Подвальные жилища для бедноты были настолько популярны в Эдинбурге, что породили легенды о подземном городе. Подземные квартиры были не сухими и уютными, как норы толкиеновских хоббитов, а зловонными и сырыми, ведь соседство с выгребными ямами не добавляло им шарма. Респектабельные господа приходили в ужас от этих «пещер» и называли их обитателей «кротами в человеческом образе».

В городских трущобах селились мелкие торговцы и рабочий люд: плотники, каменщики, сапожники, портнихи, прачки, ткачи, мясники, грузчики. Зарабатывали они сущие гроши: в середине века заработки портних начинались от 7—8 шиллингов¹ в неделю, причем половина недельной выручки тратилась на аренду жилья. Недаром лендлордов (Лендлорды — крупные землевладельцы в Англии, в XIX веке активно скупали недвижимость в городах. — *Ред.*), владевших доходными домами в трущобах, называли кровопийцами: высокая рента не позволяла рабочим выбраться из бедности. Впрочем, жильцы не отставали от хозяев. Излюбленной стратегией было покинуть жилище ночью, так и не заплатив ренту, а с собой прихватить трубы, каминную решетку и вообще все, что можно продать.

¹ В викторианскую эпоху в ходу были монеты с разным достоинством: полфартинга, фартинг (1/4 пенни), полпенни, пенни, двухпенсовик, трехпенсовик, четырехпенсовик, шестипенсовик, шиллинг (12 пенсов), флорин (2 шиллинга), полкроны (2,5 шиллинга), крона (5 шиллингов), полсоверена (10 шиллингов), соверен (20 шиллингов). 21 шиллинг равнялся одной гинее.

Заработная плата постепенно возрастала, но цены росли с ней наперегонки. Неудивительно, что даже во второй половине XIX века в Англии наблюдалась ужасающая бедность, и не только в трущобах Лондона и Эдинбурга, но повсюду, от крупных промышленных городов севера до крошечных ирландских деревенок. Содержать дом в порядке, пусть даже не дом, а маленькую квартирку, было очень дорого. Большую брешь в бюджете пробивал уголь: на отопление одной комнаты можно было потратить шиллинг в неделю. Что уж говорить о такой роскоши, как горячая вода для купания?

До второй половины XIX века богатые и знатные жители империи принимали ванну в своих спальнях, перед пылающим камином. Слуги приносили воду из кухни и выливали ее в сидячую ванну. Начиная с 1840-х годов в богатых домах появилась горячая вода, а с 1870-х она стала доступна и среднему классу. В домах победнее устанавливали мини-бойлеры или газовые колонки для подогрева воды, но они были дороги в содержании, создавали много шума и время от времени взрывались. В новых домах строили отдельную ванную, в старых — под нее отводили одну из комнат. В 1890-х стало популярным еще одно нововведение — душ. Некоторые модели душа присоединялись прямо к крану, поэтому они имели тенденцию срываться и щедро фонтанировать вокруг то кипятком, то ледяной водой.

Но рабочим подобная роскошь долго еще была недоступна. Воду приходилось брать в уличном насосе, зачастую платном, и нести в ведре домой, где на нее заявляли права все домочадцы — кому-то хочется пить, кому-то устроить постирушку, а уж о купании будут думать только неженки. Хорошо, если удавалось помыться хотя бы раз в неделю. Недаром же Лондон называли «Великим Грязнулей»!

К насосам стояла длинная очередь, тем более что в некоторых районах они работали всего лишь два раза в день, и то по будням. Водопроводная компания Восточного Лондона не поставляла воду по воскресеньям, очевидно,

считая, что в святой день нужно молиться, а не тешить грешную плоть. Бедняки собирали дождевую воду в цистерны, но на дне цистерны можно было обнаружить неприятный сюрприз. Когда жители Дарлингтона, графство Дарем, почувствовали странный привкус воды и опорожнили цистерну, то нашли в ней разложившийся труп младенца, пролежавший там несколько месяцев. К счастью, уже в середине века ситуация пошла на поправку. На радость чистюлям открывались городские бани, где за несколько пенни можно было вымыться и постирать белье. А в 1853 году был снят налог на мыло, и его продажи удвоились.

Лабиринты грязных переулков, где люди жили буквально друг у друга на голове, беспокоили уважаемых соседей. Обитатели престижных районов Лондона — Кенсингтон, Бейсуотер, Мейфэр, Белгравия — содрогались от мысли, что поблизости копошатся голодранцы. Генри Мэйхью (1812—1887), знаменитый бытописатель викторианской эпохи, в начале своей книги «Рабочие и бедняки Лондона» («London labour and the London poor») сравнивал обитателей Ист-Энда с дикарями-кочевниками. Трущобы прослыли не только рассадниками заразы, но и безнравственности, а то и чего похуже — например, коммунизма. Мало ли чем бедняки занимаются в такой тесноте. Может, замышляют недоброе. Даже во второй половине XIX века главенствовало мнение, что бедняки сами виноваты в своих несчастьях. Вместо того чтобы подняться из грязи и твердо стоять на ногах, они идут по жизни шаткой походкой пьяниц. Вот если бы они трудились, молились и сохраняли трезвость, тогда был бы толк. К сожалению, подобное отношение к беднякам начисто игнорировало такие факторы, как безработица и мизерные заработки, отсутствие образования и низкий уровень здоровья. Решить эти проблемы было гораздо труднее, чем обругать бедняков за лень и пьянство.

Городские власти боролись с трущобами, как могли, но борьба сводилась в основном к сносу обветшалых зданий.

В 1838 году были частично снесены трущобы в Сент-Джайлзе, лондонский район Холборн, затем наступила очередь Роуз-лейн и Эссекс-стрит в Спиталфилдз и Уайт-чапеле. Но от перемены слагаемых сумма не изменяется, и бедняки, бубня себе под нос, собирали нехитрый скарб и перебирались на другую улицу, которая тут же превращалась в трущобу. Принимались и более эффективные меры. Акт Шафтсбери 1851 года уполномочил городские власти покупать землю и возводить на ней жилища для рабочих семей, тогда как Акт о предотвращении болезней 1855 года позволил приходским попечителям производить осмотр жилых помещений, где, по их мнению, находились очаги инфекции. Впрочем, беднякам не нравилось, что в их дома зачастили инспектора и читают им лекции о чистоплотности.

Не дожидаясь правительственных мер, богатые и совестливые господа сами строили жилье для бедняков. Так в 1848 году в лондонском районе Сент-Панкрас было построено 5-этажное квартирное здание, где разместили 110 рабочих семей. Плата была умеренной, 3 шиллинга 6 пенсов в неделю. Новый дом приносил инвесторам доход, и по всему Лондону начали появляться недорогие дома для бедняков, оборудованные водопроводом, туалетами и прачечными.

В то время как одни филантропы обеспечивали бедняков доступным жильем, другие предпочитали работать с ними лицом к лицу. На улицах Ист-Энда, кишмя кишевших оборванцами и торговцами всех мастей, время от времени встречались мужчины в белых пасторских воротничках или юные особы со стопкой религиозных листовок. Пользы от таких горе-помощников было немного, и жители трущоб откровенно над ними потешались. Вместе с тем некоторые филантропы все же приносили беднякам реальную пользу. Среди них был Томас Джон Барнардо (1845—1905), или просто доктор Барнардо (помимо филантропии, он известен еще и тем, что его дочь вышла замуж за писателя Сомерсета Моэма).

Дети трущоб. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

Уроженец Дублина, Барнардо прибыл в Лондон, чтобы обучиться медицине, а затем врачевать страждущих где-нибудь в Китае. Но познакомившись с Ист-Эндом, Барнардо задержался в Лондоне — вряд ли Китай переплюнет такое убожество. Всю свою энергию он направил на самых маленьких обитателей трущоб, голодных оборвышей, которых англичане называли «уличными арапчатами». Кого-то находили его помощники во время ночных рейдов, кого-то к нему приводили родители, но, так или иначе, все дети в приютах Барнардо получали еду, одежду и образование. Мальчиков готовили к работе в мастерских или отправляли юнгами во флот, из девочек растили трудолюбивых служанок. Возможно, это были не самые желанные профессии, но выбирать беспризорникам не приходилось.

Репутация доктора была безупречной, и англичане, вдохновленные его энтузиазмом, щедро жертвовали на приюты. Но в 1877 году разразился страшный скандал. За несколько лет доктор Барнардо успел насолить и коллегам-филантропам, и, что гораздо опаснее, Обществу по организации благотворительности.

Созданное в 1869 году, Общество строго следило за тем, чтобы среди бедняков, получающих помощь, не затесались недостойные личности. Зачем баловать их бесплатным супом? Пусть идут работать. А если не могут работать, пусть сдаются в рабочий дом, там им быстро отыщут занятие. А то пришли на готовенькое...

Общество так рьяно отделяло агнцев от козлиц, что его впору было переименовать в «Общество по борьбе с благотворительностью». И девиз Барнардо — «Мы примем всех обездоленных детей» — был для многих соринкой в глазу. Пусть о детях заботятся родители — как наслушаются жалобных криков, так быстро возьмутся за ум!

Но доктор Барнардо думал иначе и продолжал собирать средства для голодных ребятишек. Несговорчивого филантропа взяли на карандаш и начали собирать на него досье. Настоящим подарком для недругов стали бывшие работники приюта, уволенные за пьянство и распутный образ жизни. Они-то и выступили главными свидетелями на процессе, всколыхнувшем весь Лондон.

Любимца публики обвиняли в страшных грехах — и в присвоении благотворительных средств, и в жестоком обращении с воспитанниками, и в сношениях с проститутками, и в фальсификации фотографий. Досталось ему и за почетный титул «доктор», которым Барнардо пользовался незаслуженно — он так и не окончил медицинский университет. А уж его приюты выставляли настоящими притонами: якобы наставники пьянствуют по кабакам и избивают учеников, а бывшие беспризорники, тоже не робкого десятка, занимаются друг с другом содомией. Трудно сказать, насколько все это было правдой, а насколько клеве-

той, но публика вознегодовала. Поток пожертвований прекратился, и для приютов доктора Барнардо наступили черные дни. Но Барнардо так убедительно выступал в свою защиту, что члены арбитражного суда признали его невиновным и тем самым спасли его репутацию.

Впрочем, за фальсификацию фотографий его как следует пристыдили. Чтобы собрать побольше средств, доктор Барнардо ловко играл на сентиментальности — продавал фотографии беспризорников «до и после». На одном фото уличный мальчонка был изображен в лохмотьях, на втором он, уже одетый в приютскую форму, занимался чем-то полезным. Дамы ахали, умилялись и покупали открытки. Доктор Барнардо уверял, что фотографирует оборванцев «как есть». На самом же деле он кромсал одежду на мальчишках, мазал их сажей и просил состроить печальную мину. С другой стороны, как еще воздействовать на толстосумов? История оказалась на стороне доктора Барнардо, и благотворительная организация его имени по сей день помогает детям Великобритании.

«ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ»: РАБОТНЫЕ ДОМА

«Среди общественных зданий в некоем городе, который по многим причинам благоразумнее будет не называть и которому я не дам никакого вымышленного наименования, находится здание, издавна встречающееся почти во всех городах, больших и малых, именно — рабочий дом» [2], — так Чарльз Диккенс начинает свой роман «Приключения Оливера Твиста». И хотя просьба Оливера — «Пожалуйста, сэр, я хочу еще» — была произнесена слабым дрожащим голосом, она явилась яростной критикой в адрес всей системы рабочих домов.

Надо заметить, что Оливеру крупно повезло. При родах его матери присутствовал врач, что было скорее привилегией, чем обычной практикой. Хотя мистер Бамбл и стра-

шал мальчика щипанием пеньки, Оливера устроили подмастерьем к гробовщику. А ведь многие из его сверстников сдирали кожу на пальцах, разрывая на волокна старые веревки. Но как бы ни бередил сердца роман Диккенса, большинство англичан оставалось при уверенности, что работные дома — необходимая мера по борьбе с бедностью. И условия там должны быть чуть лучше тюремных. Все же не курорт.

Работные дома появились в Англии еще в XVII веке и представляли собой благотворительные заведения, где бедняки трудились в обмен на пищу и кров. До 1834 года работными домами ведали приходы¹. Они же предоставляли обнищавшим прихожанам еще один вид помощи — хлеб и мизерные суммы денег. Адресная помощь приходилась как нельзя кстати рабочим и крестьянам, утратившим трудоспособность. На фабриках, где не соблюдались правила безопасности, существовал тысяча и один способ покалечиться, да и частые болезни подрывали здоровье. Но откуда же взять средства на поддержку калек, нищих, сирот и вдов? С обеспеченных прихожан взимали налог в пользу прихода, что их, конечно же, не радовало. Тем паче что в XVII—XVIII веках бедняки, оставшиеся без средств к существованию, должны были возвращаться за помощью в тот приход, где родились. При виде понурых оборванцев, да еще и с выводком ребятишек, прихожане начинали роптать. Понаехали! Теперь повиснут на шее у прихода.

В первой половине XIX века ситуация с нищетой и безработицей обострилась настолько, что потребовались радикальные меры. С 1801 по 1830 годы население Англии выросло на две трети и достигло 15 миллионов. Эта тенденция беспокоила экономистов, в особенности сторонников Томаса Мальтуса, утверждавшего, что неконтролируемый рост населения приведет к голоду и бедствиям. По его словам, народонаселение росло в геометрической про-

¹ Приход — низший административный округ с системой самоуправления.

грессии, а продовольствие — в арифметической. Если бы не воздержание и не бедствия, которые приостанавливают рост населения, человечество постигла бы катастрофа. Проще говоря, голодные орды съели бы всю еду.

Последователям Мальтуса не нравилась практика разносить хлеб по домам бедняков. А то ведь они, чего доброго, начнут неконтролируемо размножаться. А уж в 1820—1830-х пророчество Мальтуса казалось особенно актуальным. Наполеоновские войны и торговая блокада подорвали экономику Англии, а Хлебные законы не принесли пользы фермерам, зато сказались на семейных бюджетах рабочих — хлеб значительно подорожал. Некоторые графства оказались на грани разорения. В середине 1830-х фермеры вздохнули с облегчением, радуясь теплой погоде и изобильному урожаю, но трехдневный снегопад зимой 1836 года ознаменовал начало затяжного похолодания. Англию ждали «голодные сороковые», период неурожая, эпидемий, безработицы, застоя в экономике.

Как же в таких условиях позаботиться о бедняках, которых становилось все больше? Зловещего 13 августа 1834 года парламент принял новый закон о бедных. На смену устаревшей системе приходской благотворительности пришла новая система на основе работных домов. Отдельные приходы объединялись в союзы попечения о бедных, и в каждом союзе строился работный дом. Туда и поступали бедняки, превращаясь из прихожан в национальную собственность. Работными домами управлял местный попечительский совет, который назначал надзирателя (Master) и экономку (Matron), рассматривал заявки от бедняков, ведал вопросами бюджета, расследовал случаи злоупотребления. А было их немало.

Простой люд в штыки воспринял нововведения. Сразу поползли слухи, будто всех нищих будут загонять в работные дома насильно, а там кормить отравленным хлебом — нет дармоедов, нет проблем. На самом же деле, бедняков ставили перед выбором. Они могли поселиться в полутюремных условиях, со скудной пищей и изнурительной ра-

ботой, но зато с крышей над головой. Или же сохранить свободу, но тогда уже самим заботиться о своем пропитании. Условия жесткие, но других в то время не было. Сколько бы ни критиковала «Таймс» новые заведения, средние и высшие классы оказались довольны парламентской инициативой. Нищих стало меньше, а приходской налог снизился на 20%.

Бездомные. Рисунок Гюстава Доре из книги «Паломничество». 1877

Журналист Джеймс Грант так описывал судьбу бедняков: *«Когда они входят в ворота работного дома, им начинает казаться, что они попали в огромную тюрьму, откуда их выволит только смерть... Многие обитатели ра-*

ботного дома считают его гробницей, в которой их похоронили заживо. Это могила всех их земных надежд» [3]. Что же ожидало нищую семью в работном доме, при одном упоминании которого по спине пробежал холодок?

Работный дом был массивным зданием с жилыми и рабочими помещениями и с двориками для прогулок. Добавить сюда каменный забор, и картина рисуется мрачноватая. Больные и здоровые, мужчины и женщины, старики и дети — все эти категории проживали отдельно. Попав в работный дом, муж отправлялся в одно крыло, жена в другое, дети старше двух лет — в третье. Сначала новых постояльцев обследовал врач, затем их тщательно мыли и выдавали им униформу серого цвета. В знак позора незамужним матерям пришивали на платье желтую полосу.

День в работном доме был расписан по часам. Спать его обитатели ложились в 9 вечера, а просыпались затемно. О смене деятельности им сообщал звон колокола: вставать, одеваться, читать молитвы, в молчании есть завтрак, и работать, работать, работать! Наравне со взрослыми трудились и маленькие дети в свободное от школьных занятий время. Кроме того, детей отдавали в подмастерья, как в случае Оливера Твиста, или же старались устроить в услужение.

Если суровая жизнь кого-то не устраивала — что ж, скатертью дорожка, только не забудь жену и детей. Из работного дома уходили так же, как поступали, всей семьей. Теоретически, мужьям и женам разрешено было видеться днем, хотя спать они должны были отдельно, чтобы не плодить нищету. На деле супругам и в течение дня увидеться было очень трудно. То же самое касалось и матерей с детьми, причем у незамужних матерей отнимали новорожденных.

Жуткая, но показательная история произошла в Итонском работном доме, которым заведовал бывший майор Джозеф Хоув (в надзиратели брали людей военных). Одна из его работниц, Элизабет Уайз, попросила разрешение забирать на ночь своего ребенка двух с половиной лет от